

Сун Цзиньчэнь в двадцать девять лет, в конференц-зале на верхнем этаже этого небоскрёба, поглотил своего бывшего работодателя, компанию «Игэ-Капитал», с костями и мозгом. После этого здание стало самой знаковой постройкой в финансовом мире Хунши.

Секретарь Ли Цуй стоял в полушаге позади Сун Цзиньчэня, едва заметно прищурился и заметил нечто необычное, выглядывавшее из-под воротника рубашки босса.

След от поцелуя? Кто-то осмелился оставить метку на этом извращенце? Нынешний партнёр, должно быть, очень смел. Ли Цуй, конечно, не посмел высказаться. Он был здесь, чтобы следовать за боссом к славе и богатству, а не вынюхивать постельные сплетни пожилого мужчины.

Сун Цзиньчэнь, одетый в повседневную одежду, вошёл в офис, сел и начал просматривать разложенные на столе отчёты. Если не было важных совещаний или встреч с малознакомыми клиентами, он редко носил тесные костюмы. Костюм, конечно, красиво смотрелся, но для кого? Все смотрели на его состояние, кто обращал внимание на фигуру?

Хотя никто не придирался к его телосложению, он всё равно настаивал на занятиях спортом.

У Сун Цзиньчэня не было особых увлечений. В молодости он любил зарабатывать деньги, а теперь осталась лишь страсть к красоте.

Его отец любил играть в гольф, загорал до бронзового оттенка на всех конечностях, как золотая черепаха. Сейчас, в шестьдесят с лишним, он всё ещё мог полчаса стараться с матерью Сун Цзиньчэня, пытаясь подарить тому брата или сестру.

Старый Сун часто поучал сына:

— Твоя мама, красавица из танцевальной труппы, за ней тогда ухаживали сын начальника управления, сын руководителя... Она изо всех сил хотела выйти за меня, бедняка, жить в коммуналке, есть отруби и дикие овощи. Разве не потому, что приглянулось, как я зимой и летом тренировался, и яйца могли выдержать два кирпича?

Могли ли яйца выдержать два кирпича — это неизвестно, но Сун Цзиньчэнь действительно вырос под ночной скрип деревянной кровати.

У достойного отца — достойный сын. Когда он учился за границей в университете, стоило снять штаны, и белые женщины, измеряя его размеры лицом, восклицали «Amazing!». А когда он входил в дырочку и начинал двигаться, они уже закатывали глаза, пускали слюни и ругались матом.

Вспоминая это, он внезапно подумал о Чу Юе, которого держал в объятиях прошлой ночью. Тот кричал, как зверёк, попавший задней лапой в капкан и борющийся за жизнь.

Ли Цуй, глядя, как босс уставился в документы с глубокомысленным видом, подумал, что тот переживает о делах на десятки миллионов в минуту. Он уже собирался упомянуть, как разнообразно вели себя вчера все те люди после его ухода, как Сун Цзиньчэнь заговорил:

— Тот господин Цзи, что приглашал меня на гольф, ты ему ответил?

— Нет, он всё ещё ждёт, — Ли Цуй отреагировал молниеносно. Этот господин Цзи запомнился ему потому, что в прошлый раз, когда он пригласил босса на гольф, босс взял его и контракт, а господин Цзи пришёл с пустыми руками и восемнадцатилетней дочерью.

Сун Цзиньчэнь пошёл зарабатывать деньги, а они устроили ему смотрины. Девушка, вероятно, тоже была не в восторге от этой ситуации, раз за разом называя его «дядя Сун», что изрядно испортило Сун Цзиньчэню настроение. Потребовалось несколько дней, чтобы его дурное расположение духа прошло. Прошло около полумесяца, и господин Цзи снова пригласил его.

Скорее всего, речь снова об этом. Ли Цуй в душе вздохнул, наблюдая за этим спектаклем.

— Скажи ему, что у меня найдётся время.

Когда Сун Цзиньчэнь вернулся, Чу Юй сидел на корточках за воротами резиденции Сун. Он заехал прямо в гараж, водитель не заметил, и он сам не обратил внимания, что снаружи кто-то есть. Узнал он об этом лишь от домработницы.

Домработница выбежала, привела Чу Юя внутрь и сказала, что хозяин вернулся, пусть заходит.

— Раз пришёл, заходи, чего сидишь снаружи?

Чу Юй стоял в гостиной, теребя край одежды на пояснице. Услышав вопрос, опустил голову и не ответил.

Сун Цзиньчэнь даже думать не стал, сразу понял, что тому, наверное, снова что-то нужно:

— Говори, что случилось на этот раз?

— Я... — Чу Юй прикусил внутреннюю сторону щеки. — Я могу... пожить здесь несколько дней?

Днём, когда он вернулся домой за вещами, столкнулся с Чу Цзюньхуном, оба были не в духе. Он больше не хотел там жить. Уезжая из Пиншаня, он взял денег только на нужды младшего брата, не осталось средств искать другое жильё. Если бы не этот неудобный и трудный период, можно было бы как-нибудь перебиться в интернет-кафе или у друзей. В общем, сейчас у него не было другого выхода.

Но коренная причина, по которой он оказался в таком положении, не позволяла ему «стараться изо всех сил» услужить Сун Цзиньчэню — раз он не мог быть полезен в постели, то на каком основании Сун Цзиньчэнь должен был его приютить?

Сун Цзиньчэнь слегка приподнял бровь. Думал, дело серьёзное.

Мужчины после тридцати пяти — это уже лисы-оборотни, привыкшие щуриться и обдумывать слова, прежде чем говорить.

Чу Юй забеспокоился:

— Всего на несколько дней, только ночевать! Как найду жильё... Три дня можно? Всего три дня!

— Можно, — Сун Цзиньчэнь легко кивнул. — Но сначала я возьму проценты.

Когда Чу Юй разделся, его окружала меланхоличная хрупкость. Возможно, из-за отсутствия одежды виновник его несчастной судьбы был полностью обнажён.

В такие моменты чувство беспомощности, словно воздух, обволакивало его, вызывая удушье, от малейшего прикосновения он готов был взорваться.

В детстве Сун Цзиньчэнь держал травмированную собаку, белую с чёрными пятнами, назвал Виноградинкой. Хвост Виноградинке кто-то раздробил камнем, и поначалу, стоило Сун Цзиньчэню приблизиться, как она поворачивалась и, оскалившись, атаковала воздух.

Если Сун Цзиньчэнь хотел сблизиться с ней, ему приходилось сначала протягивать руку, давая ей осторожно обнюхать человеческий запах, убедиться, что эта рука не принадлежит какому-нибудь психопату, который внезапно схватит камень и ударит, и только тогда она медленно касалась лбом ладони Сун Цзиньчэня, позволяя руке хозяина погладить себя от макушки до спины.

Чу Юя посадили на колени Сун Цзиньчэня в позе для высаживания, гладили от макушки до спины, затем до паха, тщательно и медленно разминая и размягчая всю кожу и плоть.

Мужские руки обхватили его от подколенных ямок до груди, достали из ящика маленькое стеклянное устройство и продезинфицировали спиртовым спреем.

— Что это? — Ноги были раздвинуты под таким постыдным углом, что связки ныли от боли, а лицо Чу Юя пылало.

— Молокоотсос, — ответил Сун Цзиньчэнь так же естественно, как если бы говорил о палочках

для еды.

Молоко... отсос?! Чу Юй покраснел до корней волос от стыда, смущённо дёрнул бёдрами и получил шлепок по лобку, от неожиданности всхлипнул, потом почувствовал, что так пугаться — стыдно, и закусил внутреннюю сторону нижней губы, не издавая ни звука.

Продезинфицированный молокоотсос прижали к его груди с тонким слоем мякоти, плотно охватив весь небольшой ареол. Сосок Чу Юя был слегка втянутым, как маленькое углубление на спелом плоде, застенчиво прячущееся в нежно-розовом ареоле.

По мере того как винт воздушного клапана поворачивался один круг за другим, и воздух постепенно выкачивался из стеклянного колпачка, можно было увидеть, как этот втянутый сосок медленно вытягивается, образуя маленький кончик, затем твердеет, наполняется кровью, словно вишенка на сливочном мороженом.

Сун Цзиньчэнь с огромным удовлетворением наблюдал за этим, настолько довольный, что даже подумал: не должно быть у Чу Юя такой пары сочных, готовых сорваться сосков. У него такое мужественное лицо, густые брови, тёмные глаза, пухлые губы, способные укусить, такой человек — откуда же у него такая пара грудей, словно свежие фрукты со сливками, стоит сжать — и получается прекрасная круглая ямочка, мягкая, как патока.

Чу Юй, конечно, не знал, что в голове у старого мужчины разворачивается целый эротический роман. Ему было неудобно, он выпятил грудь, слегка покачивая присохший к ареолу молокоотсос.

— Будь послушным, — Сун Цзиньчэнь сжал его грудь, покачал молокоотсос, затем прицепил второй к другой стороне. Чу Юй тихо, с придыханием, втягивал воздух, соски покраснели от сосания, почти до крови, невыносимо болели, но терпеть можно было.

Сун Цзиньчэнь же больше не действовал, а взял его на руки, как кошку, усадил к себе на колени, открыл ноутбук и начал работать.

Одной рукой он, словно играя с домашним питомцем, тербил мягкий, вялый пенис Чу Юя и пухлый лобок.

Это были прикосновения без страсти, чисто для развлечения пальцев, как хозяин гладит мошонку пушистого кота, как старик перебирает в руках круглые каменные яйца, как студент любит нажимать на колпачок шариковой ручки.

Чу Юю было унижительно и стыдно, но он не мог сдержать эрекцию и тихонько постанывал.

И что удивительно, раньше у него сильно болел живот, но как только он прижался кожей к коже к Сун Цзиньчэню, вся боль исчезла, и он ещё и бесстыдно стал мокрым попой.

Он поднял голову, чтобы посмотреть на Сун Цзиньчэня. Тот беззаботно уставился в ноутбук, одной рукой листая тачпад, пробегая глазами по десяти строкам, другой — внизу играя с его нижней частью. Выражение лица было обычным, даже немного довольным — настоящий культурный подлец.

<http://bllate.org/book/15448/1370459>